ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Усенков И. А. Основные концепции соотношения государства, права и религии в современном мире и их практическая реализация // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 11 (ноябрь). – 0,4 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2017/173017.htm.

ART 173017 **УДК 34.01**

Усенков Иван Алексеевич,
магистрант ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград
usenivan@yandex.ru

Основные концепции соотношения государства, права и религии в современном мире и их практическая реализация

Аннотация. *В статье рассмотрены основные концепции авторов, отстаивающих идею существования нового, постсекулярного общества, о соотношении государства, права и религии в современном мире. Автором продемонстрировано несоответствие реального положения дел в сфере политики, законотворчества и правоприменения провозглашаемым на конституционном уровне идеалам, сделаны выводы о причинах сложившейся ситуации.*
Ключевые слова: *нормативный дифференционализм, коммуникативная теория, социокультурное направление, агонистическая модель, постсекулярное общество.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Теории естественного права и естественной религии, берущие свое начало в Новом времени, утверждали идеи индивидуального самоопределения человека в своих религиозных убеждениях, принадлежности человеку ipso facto ряда прав, к которым относятся в том числе право свободы совести и вероисповедания [1]. Современные концепции соотношения государства, права и религии, на наш взгляд, подчинены одной идее – идее постсекулярного общества. Однако на сегодняшний день единство мнений о пропорции государства и религии в жизни общества, степени их взаимной обусловленности, возможностях взаимодействия еще не достигнуто. В связи с этим целесообразно рассмотреть различные подходы к этому вопросу [2].

Несмотря на различие подходов к проблеме соотношения религии, государства и права в постсекулярном обществе, существует ряд наиболее влиятельных конструкций, которые предлагают следующие варианты их взаимодействия:

1. Нормативный дифференционализм, который предполагает разделение рационального и религиозного, в то же время указывая на необходимость взаимодействия данных сфер, итогом которого будет являться построение новой нормативности, свободной от устаревших принципов национальности, этничности и суверенности [3]. Данная концепция предполагает одновременно необходимость создания нормативно-абстрактной правовой системы, которая будет воздействовать на всех участников процесса коммуникации, и невозможность какой-либо критики со стороны секулярного мышления по отношению к религии. Для того чтобы подобная ситуация могла существовать в реальности, необходимо, чтобы указанные нормативные системы не исключали религию и не противоречили ей, тогда как последняя обязуется не вмешиваться в саму структуру норм.

Очевидно, что достижение такого согласия – трудновыполнимая цель. Однако теоретики данной концепции утверждают, что консолидирующим фактором должна выступить европейская идентичность как нечто уже сконструированное в долгом и публичном процессе исторического развития региона. Кроме того, подобная модель требует и безусловного принятия, и исполнения ряда ограничений для всех сторон процесса: как государства, формирующего публичные нормы, так и религиозных сообществ, получающих отдельные преференции, однако не правомочных выходить за их рамки.

2. Коммуникативная теория. В рамках данного подхода обосновывается невозможность формирования истинных идеалов и норм как с помощью государственных идеологии и политики, так и с помощью догм религии. Истина конвенциональна, временна, и приблизиться к ней возможно лишь в ходе постоянного диалога религии и разума [4]. Соответственно, выработанные в такой среде нормы и принципы могут корректно применяться только в релевантных ситуациях (условиях и контекстах, ради действия в которых они были выработаны).

Существование универсальных нормативных систем отрицается, поскольку стабильность взаимодействия государства и религии, как это ни парадоксально, может быть достигнута только в условиях перманентного изменения правовой реальности. Коммуникация и консенсус выступают в качестве альтернативы рационализму традиционного нормотворчества и догматизму религиозных учений.

Коммуникативная теория обосновывает многообразие правового мира, отсутствие в нем замкнутых в себе чисто юридических категорий, изолированных от культуры и религии. В отличие от предыдущей концепции, отрицается существование чистых, не смешанных областей рационального и иррационального. Религия и право как социальные регуляторы находятся в постоянной интеракции, оказывая влияние друг на друга. Влияние религии на государство и право не означает ее новой гегемонии, подобное положение вещей является признаком гармонично функционирующего и развивающегося общества.

Таким образом, стабильность всего постсекулярного мира зависит от коммуникации различных его элементов: государства, иных общественных институтов, в том числе религиозных, норм права, морали, религии и так далее, поскольку все они являются равноправными участниками коммуникативного процесса.

3. Социокультурное направление. Это наиболее близкая к досекулярному обществу концепция, провозглашающая приоритет социокультурных факторов, необходимость построения нормативных систем именно на их основе. Постсекулярная нормативность в разрезе данной теории предстает не выделенными принципами и правилами построения правовой системы, а целостным образом жизни, в рамках которого религия и право близки до смешения. С точки зрения представителей социокультурного направления, не существует матрицы или регулятора, которые установят соотношение веры и разума, данное соотношение естественным образом проистекает из национальной культуры, в противном случае оно видоизменяется или отвергается представителями этой культуры [5].

Признание руководящей роли социокультурных факторов обеспечивает обществу стабильное существование и эволюционный путь развития. Это положение максимально приближает данную теорию к идеалам досекулярного общества, поскольку право, экономика и политика становятся в подчиненное положение, превращаясь в инструменты культуры, религии и национального сознания. При этом отрицается косность традиционалистских ценностей, утверждается изменчивость культуры, вслед за которой изменениям подвергается и существующая нормативность.

4. Агонистическая нормативная модель в целом признает и секулярность Запада, приоритет политических и правовых норм в данном регионе, и то, что весь остальной мир не обязан идти по его пути, во многих странах религия продолжает играть доминирующую роль, и это не препятствует процессам модернизации [6]. Многополярный мир, постоянный конфликт концепций являются площадкой для развития человечества, путь западной цивилизации не является единственно возможным, другие общества следуют собственными дорогами, другими, но зачастую не менее прогрессивными.

Таким образом, современный мир предполагает диалектическую борьбу противоположностей различных систем соотношения религии государства, которая двигает вперед модернизацию. В связи с этим не стоит пытаться объединить мир, развитие приносит многополярность, объединение человеческой цивилизации вокруг нескольких противоречащих друг другу центров.

Агонистическая модель диктует вариант согласия в конфликте между религиозными, этическими, культурными принципами различных систем. Постсекулярное общество в незападных цивилизациях только лишь имманентно присущее им соотношение указанных принципов, отличное от привычного для европейца.

По мнению ряда авторов, даже одно из величайших достижений западной правовой мысли – теория естественных прав человека – во многих религиозных обществах нашло более эффективные и функциональные эквиваленты. При этом последние тесно переплетены с религиозными догмами, что не мешает им обладать прогрессивным характером. Абсолютизация превосходства западных либеральных демократий, наделение их исключительным правом на установление единственно возможных правил, обеспечивающих прогресс в совокупности с защитой прав каждого отдельно взятого человека, являются ошибочными.

Среди теоретиков, поддерживающих идею становления в западном мире нового, постсекулярного общества, отсутствует единство мнений в отношении понимания данного феномена, его функционирования и перспектив развития. Различные концепции предлагают широкий спектр возможных детерминант становления новой модели соотношения религии и права, обосновывают как радикальный, так и умеренный характер изменений. В отечественной науке философии права не так много исследований посвящено указанной проблематике, что является существенным пробелом в ее осмыслении не только потому, что данный предмет изучения имеет ярко выраженный практический характер, но и по причине несхожести российской и западноевропейской моделей соотношения религии, государства и права, в связи с чем необходимы авторские разработки в этой сфере.

На данном этапе довольно сложно определить, какая из концепций более справедлива; более того, на наш взгляд, более актуальны вопросы о детерминантах формирования постсекулярного общества и проблемах практики, возникающих в связи с его становлением. Как причины и условия разрушения секуляризма можно выделить следующие факторы:

1. «Похмелье сциентизма». Если наука XIX – начала XX века претенциозно заявляла о себе как об универсальном инструменте в поиске истины, то сегодня сами ученые признают, что каждое научное открытие задает больше вопросов, чем предоставляет ответов.
2. «Усталость от жизни». Невероятный темп изменений, с которыми сталкивается современный человек, толкает его к тому, что фундаментально и неизменно [7].
3. Политические факторы. Оказывают сильное, но сиюминутное воздействие, являясь скорее условиями, чем причинами.

Таким образом, анализ детерминант демонстрирует качественный характер изменений парадигмы, что исключает их сиюминутность, а значит, мы имеем дело действительно с новой нормой, а не с временным отклонением от нее.

В отечественной научной литературе подходы к взаимодействию публичной и духовной власти очень различны. Одни авторы отстаивают позицию, согласно которой без поддержки традиционных религий публичная власть не в силах обеспечивать национальную безопасность на должном уровне.

Не менее распространено мнение о том, что государство не способно, а значит, и не должно распространять свое влияние на религиозное образование и поддержание разного рода религиозных традиций. С другой стороны, исторически сложившаяся ситуация многоконфессиональности и полиэтничности в нашей стране привела к тому, что религия становится потенциальным объектом атак радикализма, сект и экстремизма, что, в свою очередь, является серьезной угрозой для безопасности государства.

В условиях многоконфессиональности религиозные конфликты зачастую становятся толчками для революционных преобразований, национальная безопасность в сфере культуры напрямую зависит от сохранения самобытности и многообразия религиозных ценностей, как доминирующих, так и локальных. В связи с этим его взаимодействие с общественными отношениями в сфере религии является обусловленным практической необходимостью.

Для России традиционная концепция взаимоотношений государства, права и религии была взята из Византии, в которой канонические нормы имели силу норм закона, а значит, государственная власть оказывалась практически в прямой зависимости от власти церковной [8]. Отсюда вытекает термин, характеризовавший их отношения в Византии, а впоследствии и в России, – «симфония властей». Он предполагает воздействие церкви на государство с целью реализации на официальном уровне идей и требований христианства.

В Византии такой подход был реализован в самом полном варианте. Не только право и иные социальные институты были подвержены воздействию христианства, но и сознание граждан характеризовалось единством гражданственного и религиозного: понятия «римлянин» и «православный христианин» были слиты в единое целое. Несмотря на то что большинство средневековых европейских государств были также подвержены слиянию религиозных факторов, в Византии подобная политика проводилась наиболее последовательно.

«Симфония властей» российского государства была менее ярко выражена, поскольку церковь никогда не получала официального статуса государственного учреждения, отдельные периоды вмешательства государства в религиозную жизнь общества и дела церкви были непродолжительными и не основывались на правовых нормах [9]. Однако влияние церкви на общество и государство как публичный институт трудно переоценить, тем более что продолжалось оно вплоть до царствования Петра I (де-факто – до смерти патриарха Адриана в 1700 году, де-юре – до создания Священного Синода в 1721-м). В советской и современной России «симфония властей» невозможна исходя из самого духа времени, изменившихся реалий функционирования социума.

Различные исследования используют понятия «государственно-церковные», «государственно-религиозные» и «государственно-конфессиональные» отношения. На наш взгляд, первые два являются не до конца корректными. Первое не учитывает поликонфессиональность России, поскольку термин «церковь» не используется ни в мусульманстве, ни в буддизме, ни в иудаизме. Таким образом, само понятие уже демонстрирует превосходство христианства, которого в соответствии с конституционной характеристикой государства как светского быть не должно. «Государственно-религиозные отношения» также не в полной мере релевантны предъявляемым требованиям, поскольку ряд конфессий не имеют статуса религий (и не претендуют на него). Наиболее ярким примером является конфуцианство.

В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать термин «государственно-конфессиональные отношения», то есть взаимодействие (деятельность и ее результаты) государственных и конфессиональных организаций, которое осуществляется на основе норм публичного права и с учетом канонических норм.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года установил контроль за религиозными организациями [10]. Различного рода сектантских объединений, тем или иным образом попадающих на территорию Российской Федерации, стало существенно меньше. Однако прогрессивность данного закона, к сожалению, этим и ограничилась.

Уже в его преамбуле закреплена «особая роль» православия. Русская православная церковь берет на себя роль «интерпретирующего сообщества» отнюдь не только в связи с данной нормой, скорее, на это влияет политическая конъюнктура, однако подобная формулировка в главном законе страны, касающемся религиозных объединений, не может усилить негативные тенденции к доминации православной церкви над остальными.

Если сразу после распада Советского Союза сфера конфессиональных отношений была никак не урегулирована правом, то с установлением правового регулирования пришла негативная тенденция в виде повышенного внимания представителей власти к определенной конфессии, публичных демонстраций принадлежности к ней первых лиц государства, политики явных конфессиональных предпочтений.

Если нормативные акты все еще следуют генеральной линии Конституции и в них светскость государства не оспаривается, то на практике соответствующие нормы реализуются с большими перекосами. Так, была произведена реституция собственности церкви, в школьную программу введен курс «Основы религиозной культуры», в целом светскости образования не противоречащий, однако на практике РФ означающий в подавляющем большинстве случаев изучение именно православной культуры.

Церковь также планируется представить на политической арене в качестве самостоятельного субъекта, что обусловливается необходимостью создания нравственных основ для российской политической традиции. Данные преобразования свидетельствуют о формировании новой проблематики – формировании реалий постсекулярного общества, еще не воспринятых позитивным правом большинства государств Европы и России в частности.

Ссылки на источники

1. Астапов С. Н. Религия и право в постсекулярном российском обществе // Философия права. – 2016. – № 5. – С. 26.
2. Фоминская М. Д. Соотношение веры и разума в постсекулярном мире: «возвращение» религиозной проблематики в западноевропейский философско-правовой дискурс // Философия права. – 2015. – № 1. – С. 8.
3. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. – 2011. – № 3(82). – С. 4.
4. Хук М. ван. Право как коммуникация. – СПб., 2012. – С. 9.
5. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. – М., 2003. – С. 115.
6. Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. – 2009. – № 2(18). – С. 69.
7. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М., 2002. – С. 187.
8. Петрик Н. Н. Перспективы правового регулирования взаимодействия светской и духовной власти в России // Философия права. – 2015. – № 3. – С. 57.
9. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. – 2008. – С. 27.
10. Мордовцева Т. В. Свобода вероисповедания в предметной области антропологии права // Философия права. – 2015. – № 1. – С. 76.

Ivan Usenkov,
Graduate Student, Volgograd State University, Volgograd
usenivan@yandex.ru

Basic concepts of state, law and religion correlation in the modern world and their practical implementation

Abstract. The article describes the main concepts of the authors who defend the idea of the new post secular society existence, discusses state, law and religion correlation in the modern world. The author demonstrates

the inconsistency of the real situation in the sphere of politics, lawmaking and law enforcement with proclaimed at the constitutional level ideals; he draws conclusions about the causes of the situation.

Key words: regulatory differentialism, communicative theory, sociocultural direction, agonistic model, post secular society.

References

1. Astapov, S. N. (2016). “Religija i pravo v postsekuljarnom rossijskom obshhestve”, *Filosofija prava*, № 5, p. 26 (in Russian).
2. Fominskaja, M. D. (2015). “Sootnoshenie very i razuma v postsekuljarnom mire: “vozvrashhenie” religioznoj problematiki v zapadnoevropejskij filosofsko-pravovoj diskurs”, *Filosofija prava*, № 1, p. 8 (in Russian).
3. Uzlaner, D. (2011). “Vvedenie v postsekuljarnuju filosofiju”, *Logos*, № 3(82), p. 4 (in Russian).
4. Huk, M. van. (2012). *Pravo kak kommunikacija*, St. Petersburg, p. 9 (in Russian).
5. Grej, Dzh. (2003). *Pominki po Prosveshheniju: politika i kul'tura na zakate sovremennosti*, Moscow, p. 115 (in Russian).
6. Muff, Sh. (2009). “Demokratija v mnogopoljarnom mire”, *Prognozis*, № 2(18), p. 69 (in Russian).
7. Toffler, Je. (2002). *Shok budushhego:* per. s angl., Moscow, p. 187 (in Russian).
8. Petrik, N. N. (2015). “Perspektivy pravovogo regulirovanija vzaimodejstvija svetskoj i duhovnoj vlasti v Rossii”, *Filosofija prava*, № 3, p. 57 (in Russian).
9. Habermas, Ju. (2008). “Postsekuljarnoe obshhestvo – chto jeto?”, *Rossijskaja filosofskaja gazeta*, p. 27 (in Russian).
10. Mordovceva, T. V. (2015). “Svoboda veroispovedanija v predmetnoj oblasti antropologii prava”, *Filosofija prava*, № 1, p. 76 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Утёмовым В. В., кандидатом педагогических наук;
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию *Received*	15.11.17	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	26.11.17
Принята к публикации *Accepted for publication*	29.11.17	Опубликована *Published*	29.11.17

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017
© Усенков И. А., 2017